Николай Цыремпилов

Конституционная теократия Лубсан-Самдан Цыденова: попытка создания буддийского государства в Забайкалье (1918–1922)

Nikolay Tsyrempilov

The Constitutional Theocracy of Lubsan-Samdan Tsydenov: an Attempt to Establish a Buddhist State in Transbaikalia (1918–1922)

Nikolay Tsyrempilov — Department of History of Buryatia of Buryat State University (Ulan-Ude, Russia). tsyrempilov@gmail.com

The paper examines causes and circumstances of the establishment of a Buddhist theocratic state by Lubsan-Samdan Tsydenov, an outstanding figure of Buryat Buddhism. Drawing upon some hitherto unedited Tibetan, Mongolian and Russian sources, the paper undertakes a detailed reconstruction of the events in Siberian Transbaikalia in the period of the Russian Civil War. An analysis of the personal notes by Tsydenov and the text of the Constitution of Kudun Buddhist state shows that "Kudun theocracy" was a syncretic fusion of the traditional Buddhist understanding of the Buddhist "Dharmic state" and modernist conceptions of republicanism and constitutional democracy. The Kudun theocracy should also be interpreted as a response of the Buddhist circles to the attempts of the Buryat secular nationalists to build the Buryat statehood based upon the idea of national self-determination. The Kudun project shows that Buddhism could serve as a foundation for state-building at the age of the early 20th century Russian political crisis.

Keywords: Buddhism, theocracy, Russia, Civil War, Buryatia, Lubsan-Samdan Tsydenov, constitution, modernity.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках базовой части госзадания в сфере научной деятельности (Проект № 3797: «Археографические и IT методы в исследованиях частных архивов Байкальского региона: создание цифрового фонда исторических источников»)

Цыремпилов Н. Конституционная теократия Лубсан-Самдан Цыденова: попытка создания буддийского государства в Забайкалье (1918–1922) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 4 (33). С. 318-346.

Tsyrempilov, Nikolay (2015) "The Constitutional Theocracy of Lubsan-Samdan Tsydenov: an Attempt to Establish a Buddhist State in Transbaikalia (1918–1922)", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 33(4): 318-346.

Введение

Во второй половине XVII века, когда первые буддийские ламы из Тибета и Монголии уже начали свою проповедь среди бурятских племен, Забайкалье по условиям Нерчинского договора вошло в состав Российского государства. Во многом относительно мирное принятие забайкальскими бурятами российского подданства объяснялось обещаниями представителя царской короны Федора Головина религиозной свободы бурятам-буддистам[1]. Обещание это было сдержано, но в целом историю бурятской буддийской общины в Российском государстве нельзя назвать простой. Безуспешные попытки имперских администраторов вытеснить буддизм с территории России, предпринимавшиеся в XVIII веке и едва не приведшие к массовому исходу бурят в Монголию[2], сменились екатерининской политикой религиозной терпимости и утилитаризма, а в эпоху Александра I и Николая I власти, смирившись с присутствием буддизма в пределах своих границ, приняли ряд последовательных мер с целью поставить под контроль численность и ареал распространения буддийского духовенства[3]. Еще в правление Екатерины II дела бурятских буддистов были вверены созданной для этих целей администрации во главе с Бандидо Хамбо-ламой[4]. Буддийские первосвященники осуществляли руководство штатным буддийским духовенством и сетью монастырей. Во второй половине XIX века взаимоотношения буддийских лам с чиновниками стабилизировались, но были годы, когда они омрачались кратковременными конфликтами[5].

Система бурятского самоуправления в Российской империи вплоть до начала XX в. осуществлялась по родоплеменному принципу. Все буряты были отнесены к тем или иным степным думам, основным органам родового самоуправления, подчинявшимся гу-

1. *Подгорбунский И.* Буддизм, его история и основные положения его учения. Иркутск, 1901. С. 167.
2. *Нацагдорж Ц.Б.* Буддийский фактор в общемонгольской идентичности российских бурят в XVIII в. // К 250-летию института Пандито Хамбо-лам в России: сборник научных статей. Санкт-Петербург: «Петербургское востоковедение», 2015. С. 18–39.
3. См. об этом: *Герасимова К.М.* Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX в. Улан-Удэ, 1957; *Цыремпилов Н.В.* Буддизм и империя: бурятская буддийская община и Российское государство XVIII — нач. XX в. Улан-Удэ: «Буряад Монгол Ном», 2015.
4. *Чимитдоржин Д.Г.* Пандито Хамбо Ламы (1764–2010). Улан-Удэ, 2010.
5. *Цыремпилов Н.В.* Буддизм и империя. С. 174–176, 195–199.

бернским правительствам[6]. Горизонтальные связи между думами были слабы, что не способствовало выработке единого этнического сознания бурят. Между тем, сеть буддийских монастырей во главе с канцелярией Бандидо Хамбо-ламы была единственной системой, заключавшей в некое единство большую часть бурятской этносферы. Вероятно, с этим связано то, что ни один представитель бурятской родовой элиты не мог соперничать по своему влиянию и авторитету с Хамбо-ламами, которые представляли всех буддистов региона, в то время как родовые головы представляли только членов своей родовой общности. Буддизм со своей централизованной системой управления и четко выраженным центром представлял серьезную альтернативу родовому самоуправлению, и общебурятские интересы эффективнее реализовывались внутри этой системы.

В начале XX в. оформляется и выступает на сцену третья сила в лице светской бурятской интеллигенции, представители которой получали образование в европейских университетах и становились носителями модернистских идей национализма, автономии и национального самоопределения. Они мыслили уже не родовыми, а общеэтническими категориями, и большая их часть смотрела на буддизм как на «убежище национального духа, национальной индивидуальности и солидарности»[7] и силу, способную консолидировать разрозненные бурятские племена.

Революция и гражданская война дали шанс бурятским националистам реализовать свои идеи на практике. В своих попытках бурятские автономисты пытались заручиться поддержкой со стороны буддийского духовенства. Однако бурятские буддийские деятели относились к панэтническим или националистским устремлениям своих сородичей с осторожностью и недоверием. Бандидо Хамбо-лама Гуро-Дарма Цыремпилов и Агван Доржиев оказали прямую поддержку силам реставрации. На переговорах с Колчаком они обещали Верховному правителю вести «пропаганду против революции и социализма»[8]. Часть буддийского духовенства прямо противопоставила себя революционному движению и деятелям национального движения, при этом парадоксальным образом заимствуя весьма прогрессивные идеи из их арсенала.

6. *Дамешек Л.М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири. XIX — начало XX века. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1986. С. 40–41.
7. Rupen, Robert A. (1964) *Mongols of the 20th century*. Vol. I, p. 34. Bloomington, Indiana University.
8. Ibid., p. 135.

Особое место в этой истории занимает проект Кудунской теократической республики, инициатором которого стал один из ярчайших представителей бурятского буддийского духовенства Лубсан-Самдан Цыденов. Государственный проект Цыденова особо интересен тем, что сочетает в себе идеи дхармического государства, во главе которого стоит просветленное тантрийское божество, и модернистские принципы государственного устройства республиканского типа.

В этой статье я попытаюсь дать объяснение причинам, по которым обычный бурятский лама пришел к идее буддийской теократической республики, восстановить ход его мыслей и упорядочить последовательность событий, приведших к возникновению этого государственного проекта. Мои интерпретации будут основаны на круге малоизвестных до сих пор источников, среди которых особое место занимает машинописная рукопись сотрудника Антирелигиозного музея г. Верхнеудинск (Улан-Удэ) Ц. М. Очиржапова «Теократическое балагадское движение и бандитизм по Хоринскому аймаку в 1917–1927 гг.»[9] В этом объемном очерке, напечатанном на печатной машинке (92 страницы), автор скрупулезно описывает ход событий, имевших место в Хоринском аймаке Забайкалья в обозначенный им временной период. Несмотря на его ожесточенную предвзятость в оценке деятельности Лубсан-Самдана Цыденова и его сподвижников, изложенная автором хронология событий и масса важных деталей представляются мне достоверными. По счастливому обстоятельству в руки ко мне попала рукопись проекта конституции государства Лубсан-Самдана Цыденова на монгольском письме[10], которая проливает свет на то, какое политическое устройство задумывали его основатели. Я также использовал в данной работе записи Цыденова, которые он делал во время нескольких своих тюремных заключений в Верхнеудинске в 1921 году. Эти записи, выполненные на тибетском, монгольском и русском языках, включают различного рода выписки о государственных устройствах в различных частях мира, цитаты из буддийских сутр, жалобы и петиции в судебные органы[11]. Мною также использованы материалы, касающиеся более ранних лет жизни Цыденова, — ти-

9. Рукопись хранится в личном архиве автора. Далее: *Очиржапов*.

10. Рукопись *Urida qori-yin ayimay-un buriyad qosiyun-ud-un medel-ün bayiysan-a tegüben oyoruyad edüge…* на серой русской бумаге формата 23х37 см занимает 2 листа (4 страницы). Далее: Конституция.

11. *Архив Л-С. Цыденова*. Тибетский фонд Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии.

бетский текст его поэмы, описывающей торжества в честь интронизации Николая II, состоявшиеся в 1896 году, в которых Цыденов принял участие в качестве настоятеля Кудунского дацана и члена бурятской делегации[12]. Я выражаю особую благодарность своим коллегам Гончог Нямочиру, сотруднику Музея Богдо-гэгэна в Улан-Баторе, Цырен-Ханде Владимировне Очировой, директору Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова (2005–2007 гг.), и Доржо Дугарову за помощь в поиске важных источников.

На пороге Гражданской войны

Автономисты и антиаймачники. Февральская революция 1917 года запустила в Забайкалье процесс самоорганизации бурят и движение за автономизацию. Созванный в апреле революционного года Первый общебурятский съезд учредил Бурятский национальный комитет (Бурнацком), который определил задачу реорганизации булучных и волостных управлений[13] и замены их на новые территориальные администрации по образу и подобию военно-административных единиц, введенных маньчжурами в Монголии еще в XVII веке, — сомонов (стрел), хошунов (знамен) и аймаков (дивизий). Основной движущей силой движения за автономизацию бурят стали так называемые бурятские буржуазные националисты, наиболее известными представителями которых были социал-демократ Элбэг-Доржи Ринчино (1888–1938), общественный деятель Михаил Богданов (1878–1919), известные ученые Базар Барадин (1878–1937), Цыбен Жамцарано (1881–1942), Даши Сампилон (1891–1938), буддийский лама и дипломат Агван Доржиев (1856–1938) и другие[14]. Эту группу нельзя было назвать единой, но в целом ее члены сходились в необходимости

12. Национальный музей Республики Бурятия. Временный фонд. Инв. № 422. Рукопись, по всей видимости, является копией оригинала, переписанной позднее. Текст написан в ученической тетради в клетку в 20 листов. В тибетском варианте поэма носит пространное название «Новая песнь, вдохновленная великой радостью по случаю окончательного восшествия на нерушимый алмазный трон могущественного чакравартина, божества, установленного небом, Царя Николая, восхваляющая интронизацию, рассказывающая вкратце также и о славе России, обретшей могущество двух столиц, называющаяся „Многократно взирающая на устрашающих бенгальских и африканских львов в садах Джолоки”». Далее: Новая песнь.

13. Булуки и волости — основные административные единицы у бурятского населения Забайкалья, введенные в результате так называемой волостной реформы в начале XX века.

14. Rupen, Robert A. *Mongols of the 20th century*, p. 29.

обеспечения административной и культурной автономии в составе новой России. Обособленную от них группу составляли так называемые стародумцы (позднее антиаймачники), или сторонники реставрации Устава Михаила Сперанского от 1822 года[15]. Стародумцы, в ряды которых входили бывшие чиновники Степных дум[16] и часть буддийского духовенства, считали отмененную на стыке веков систему бурятского самоуправления отвечающей главным потребностям и чаяниям бурят. Лидером группы стародумцев был бывший тайша Хоринской Степной думы Эрдэни Вамбоцыренов[17]. К этой же группе примыкала часть бурятского буддийского духовенства, которая также решительно выступала против каких-либо изменений в многолетней системе бурятского светского и духовного самоуправления.

Создание органов бурятской автономии. Вопрос о реставрации Степных дум был поднят стародумцами во время работы Первого общебурятского съезда, который состоялся в Чите в первые месяцы после Февральской революции 1917 года. Тогда Э.-Д. Ринчино удалось уговорить стародумцев не включать этот вопрос в резолюцию Съезда. Вместо этого Съезд постановил рекомендовать создать бурятскую автономию с делением ее на аймачные, хошунные и сомонные территориальные единицы иерархического подчинения. Высшим управляющим органом автономии стал Бурятский национальный комитет. В Хоринском аймаке Бурнацкомом было организовано 11 хошунов по числу родов, входящих в состав хоринских бурят-монголов[18]. Во время обсуждения резолюции Съезда небольшая группа депутатов-стародумцев во главе с настоятелем Кудунского (Кижингинского) дацана Гэнином Цыремпиловым и бывшим хоринским зайсаном[19] Бурнобадарой Далаевым выразила публичное недовольство использованием военной терминологии в наименова-

15. Устав «Об управлении инородцев», разработанный в 1822 году сибирским генерал-губернатором М. М. Сперанским, определял систему управления неславянскими народами Сибири, в том числе бурятами, на основе начал самоуправления.

16. Степные думы — органы самоуправления коренных народов Сибири, действовавшие с 1822 до периода конца XIX — начала XX века.

17. История Бурятии: В 3 т. Т. 3 (XX–XXI вв.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 13. Эрдэни Вамбоцыренов до упразднения Степных дум был главным тайшой Хоринской степной думы.

18. Хори-буряты, хоринские бурят-монголы — самоназвание одной из крупнейших субэтнических групп в составе бурят. Проживают в центральном и восточном Забайкалье.

19. Зайсан — должность в иерархии чинов администрации Степных дум.

нии территориальных единиц бурятской автономии. Она показалась им пугающей и предвещающей грядущую военизацию бурят-монголов[20]. Очевидно, претензии к наименованиям территориальных единиц были лишь внешним проявлением недовольства стародумцев ситуацией поворота Бурнацкома в сторону автономизации. Тогда на недовольство кижингинцев участники Съезда большого внимания не обратили. Многие видные представители стародумцев получили должности в аймачных, хошунных и сомонных управлениях, а лидер стародумцев-консерваторов Эрдэни Вамбоцыренов вошел в состав Хоринского аймачного комитета общественной безопасности. Компромисс между различными группами бурятских активистов, казалось, был найден.

Однако вскоре соперничество между автономистами и стародумцами вылилось в тяжелое противостояние. 17 июня 1917 года Временное правительство приняло постановление о введении земских учреждений в Сибири. Это означало крах надежд стародумцев, которые полагали, что теперь бурят-монголы снова остаются беззащитными перед властью русского большинства. Виновными в этом провале были объявлены автономисты, в частности Э.-Д. Ринчино, который во время работы Первого съезда убедил депутатов не поднимать ходатайства о восстановлении Степных дум. Напряжение еще более усилилось, когда в результате выборов, организованных в Забайкалье 18 января 1918 года, в состав земских гласных были включены почти исключительно представители автономистов. Стародумцы на выборах не сумели вовремя консолидироваться и выдвинуть своих кандидатов, тем более что голосование проводилось по сформированным заранее спискам. В среде консервативно настроенных бурят заговорили о засилье представителей бурятской национальной интеллигенции в органах власти[21].

Движение против призыва и консолидация антиаймачников. Приход к власти Семенова знаменовал новую волну противостояния антиаймачников со сторонниками автономии. Бурнацком, преобразованный в Бурятскую народную думу, во главе с Даши Сампилоном, в октябре 1918 года обращается к атаману Семенову с ходатайством об организации автономии для бурят[22]. Однако для Семенова приоритетной задачей являлся призыв бурятской молодежи в ряды собственных вооруженных сил — Цаган

20. Очиржапов. Л. 2.

21. Там же. Л. 3.

22. История Бурятии. В 3 т. Т. 3 (XX–XXI вв.). С. 35.

Цагда, или Белой Гвардии[23]. Для представителей Бурнардумы вопрос об автономии фактически встал в зависимость от успеха кампании по военному призыву. Семеновцы пытаются уверить бурят в том, что призыв в Цаган Цагда не является военным призывом, поскольку буряты призываются а) на 6 месяцев, что существенно меньше срока для остального населения; б) призывники из числа бурят будут нести службу в пределах бурятских аймаков и исключительно для охраны внутреннего порядка. Однако эти аргументы на большинство бурят не подействовали, и требование о призыве ими было категорически отвергнуто[24]. Однако атаман Семенов не думал отступать от идеи их привлечения к службе в рядах Цаган Цагда. Но и в среде бурят настроения против призыва еще более усилились, когда в январе 1919 года по бурятским аймакам прошел слух о том, что известный буддийский лама-отшельник из Кижинги Лубсан-Самдан Цыденов собирается создать теократическое правительство с целью защиты бурят-буддистов от насилий Гражданской войны.

Сумасшедший святой

Многообещающее начало. Лубсан-Самдан Цыденов родился в 1850 году в улусе Кижинга Хоринского ведомства. Еще в детстве Цыденов был отдан в Кижингинский (Кудунский) монастырь, где через некоторое время начал обучение на цаннидском (философском) факультете, продолжив его в резиденции Бандидо Хамболам — Тамчинском дацане. С раннего детства у него проявилась склонность к учебе, благодаря чему он получил монастырскую ученую степень *габжи*[25]. Источник[26] сообщает об особой приверженности Цыденова к медитативной практике. Цыденов характеризовался современниками как человек замкнутый, склонный к уединению, ограниченным контактам с окружающими и воздержанию в обыденной жизни. Однако необычайная личная ха-

23. *Бартанова А.* Образование Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. С. 36–37.

24. Очиржапов, рукопись. Л. 8.

25. Габжи (тиб. *dka' bzhi*) — одна из высших монастырских ученых степеней в тибето-монгольском буддизме.

26. Биография Лубсан-Самдан Цыденова основана на сведениях, изложенных в рукописи Ц. М. Очиржапова на лл. 80–87. См. подробный биографический очерк в: *Цыремпилов Н. В.* Лубсан Самдан Цыденов и идея буддийской теократии в Забайкалье // Восток (*Oriens*). 2007. № 6. Ноябрь–Декабрь. С. 45–52.

ризма и исключительная ученость подняли авторитет Цыденова в среде верующих, что позволило ему принять участие в выборах на должность настоятеля Кудунского монастыря. В других источниках сообщается о том, что он якобы мечтал о своем назначении настоятелем Кудунского монастыря и даже имел претензии на престол Бандидо Хамбо-ламы, высшей административной должности буддийской церкви Восточной Сибири. Тем не менее, тогда в конкурентной борьбе Цыденов проиграл другому претенденту, пользовавшемуся, как утверждается, поддержкой действовавшего тогда Хамбо-ламы Чойнзона Иролтуева. В качестве некоторой моральной компенсации за это поражение Иролтуев включает Цыденова в состав бурятской делегации на коронацию Николая Второго в 1896 году. Если верить этим сведениям, включению Цыденова в состав делегации содействовали и авторитетные представители хоринской родовой аристократии[27].

Скандал на коронации. В марте 1896 года делегация на почтовых лошадях отправилась в г. Красноярск, откуда по Сибирской железной дороге продолжила путь в Москву[28]. Светские и религиозные представители Забайкальских бурят приняли участие в церемонии коронации Николая Второго в Успенском соборе Московского Кремля и последовавших за ней пышных торжествах в Москве и Санкт-Петербурге. Во время торжественной церемонии коронации Цыденов отказался преклонить колени, что не только поставило всю бурятскую делегацию в неловкое положение, но и привело к расследованию данного инцидента Министерством внутренних дел. Сам Цыденов объяснил свой поступок тем, что ему как полному монаху дана привилегия не преклонять колени пред царем, что «неучастие его в данном поклонении не является преступным деянием, что поклонение буддийской делегации, в частности хамбо-ламы Иролтуева как *гылуна*[29] и главаря буддийского духовенства Сибири, является отступлением от закона Винаи[30] и служит позором»[31]. Тем не менее, как и все члены де-

27. *Жигмидон Б.* Контрреволюция под маской теократизма (Балагатчина) (рукопись) // Национальный музей Республики Бурятия. Временный фонд. Инв. № 422. С. 2.

28. В личном фонде С. Цыденова имеется Удостоверение № 151 о его командировании в Москву «на Священное Коронование Их Императорских Величеств» [ЦВРК ИМБТ, д. 636, л. 5].

29. Имеется в виду *гэлон* (тиб. *dge slong*), или *бхикшу* — буддийский монах, принявший все обеты.

30. Виная — канонический дисциплинарный кодекс буддийских монахов.

31. Очиржапов: л. 81.

легации, 20 августа 1896 года Самдан Цыденов был награжден серебряной медалью для ношения в петлице на Андреевской ленте[32].

Восторженный монархист? Еще более уникальное и важное свидетельство о том, какое влияние оказала на Лубсан-Самдана Цыденова встреча с Европой, мы видим в пространной поэме на тибетском и монгольском языках, посвященной интронизации Николая Второго.

Можно предположить, что Самдан Цыденов действительно мог отказаться от следования церемониалу, сославшись на упомянутые в очерке вполне резонные аргументы. Это тем более вероятно, если мы примем во внимание известную нам принципиальность и неординарность кудунского отшельника. Тем не менее, на страницах своего произведения Цыденов трижды простирается перед монаршей особой, декларируя тем самым свое отношение к императору как к фигуре сакральной. Самдан Цыденов не был готов к церемониальному поклонению перед императором в конкретной ситуации, но внутренне царь как носитель власти вполне соответствовал объекту его поклонения. Так или иначе, но нам представляется вполне естественным предположить, что человек, написавший столь значительное и торжественное произведение, посвященное блеску, великолепию и священности монархической власти, пусть лишь частично относящейся к буддийской цивилизации, почитал священной монархию как таковую. Известие о расстреле царской семьи было распространено российскими газетами летом 1918 года, и можно догадаться, какое впечатление могло оно произвести на человека, считавшего императора божественной персоной. Могла ли в его глазах быть легитимной любая другая власть, будь то Временное правительство, Советы, органы власти бурятской автономии или атаман Семенов? Уничтоженную монархию могла заменить только другая монархия, обладающая прямыми атрибутами сакральности, — власть просветленного божества.

Эта идея, по всей видимости, появилась в голове у Цыденова осенью 1918 года, когда конфликт между представителями Бурнардумы и антиаймачниками по вопросу о военном призыве достиг острой фазы. Противникам призыва и автономизации не хватало единого лидера и альтернативной идеи, которая могла бы быть противопоставлена движению автономизации Бу-

32. В личном фонде С. Цыденова хранится официальное наградное свидетельство на его имя [ЦВРК ИМБТ, д. 636, л. 5].

рятии. Идея буддийской теократии была уже весьма популярна в среде верующих буддистов, ибо перед их примером стояли живые примеры Далай-ламы или Джебцун-Дамба-хутухты, стоявших на вершине теократий Тибета и Монголии. Лично или через своих приближенных Лубсан-Самдан Цыденов передает эту идею авторитетным кижингинским антиаймачникам, которые начинают действовать.

Как строилась Кудунская теократия

Приглашение на престол. В условиях административного хаоса, воцарившегося по всей России в годы Гражданской войны, кредитные товарищества и потребительские общества часто были единственными структурами, выполнявшими какие-то организационные функции. В Кижинге кредитное товарищество фактически стало той площадкой, на основе которой создавался проект конституционной теократии Лубсан-Самдана Цыденова. В январе 1919 года члены правления Кижингинского кредитного товарищества были созваны на внеочередное закрытое заседание. Речь на этом заседании шла не о финансовых делах, а о вопросе политической важности: выходе Кижинги из состава Хоринского аймака и создании на территории бывшего Бодонгутского сомона государства на принципах теократии[33]. Инициаторами дела стали местные жители С. Генинцыбенов, Г. Гармаев, Д. Иролтуев и С. Гончикдараев, которые получат в будущем теократическом правительстве видные посты. Активисты предложили членам товарищества организовать церемонию поднесения ламе Лубсан-Самдан Цыденову *мандалы*[34] с просьбой взойти на престол религиозного главы государства и обеспечить местным бурятам-буддистам защиту от военного призыва и вообще от политики Бурятского национального комитета. По решению собрания в среде кижингинских бурят начинается агитация за поддержку коллективного письменного прошения и организуется сбор средств для пожертвований будущему правителю.

Структура государства. Цыденов дает инициативной группе инструкции по вопросам составления конституции учреждаемого

33. Очиржапов. Л. 9.

34. Мандала (санскр. *maṇḍala*, досл. круг, диск). В индуизме и буддизме символическое изображение вселенной, представляющее собой диск с пирамидальным или конусообразным возвышением в центре. В буддийской традиции мандала является одним из видов подношений учителю или духовному лицу вообще.

государства, в соответствии с которой должны быть сформированы его основные институты, и созыву учредительного собрания. В созданную конституционную комиссию входят 22 человека, среди которых в основном высокопоставленные ламы Кудунского дацана и чиновники из волостного/сомонного управления[35]. 4 мая 1919 года проект Конституции Теократического государства Кудунской долины, состоящий из 36 пунктов, был закончен. В проекте оговаривается структура светских административных органов государства, официально получившего имя «Эрхэтэ Балгасан Улус», что можно перевести как «Суверенное государство балагатов». Под термином «балагат» создатели государства понимали крупнейшую административно-территориальную единицу, в которую входили тосхоны, которые примерно соответствовали бывшим сомонам. Балагаты же соответствовали хошунам. Территориальных образований, соответствовавших аймакам, в новом государстве попросту не существовало[36].

Согласно основному закону[37], Кудунское государство находилось под верховным управлением Йогачари Номун Хана, Цог Тугульдур Дармаранза[38] Лубсан-Самдан Цыденова. Он управляет государством по праву человека, реализовавшего в себе тантрийское божество Ямантака и выполняющего волю последнего. Следующим во властной иерархии Кудунской теократии было представительное собрание — Великий суглан (*yeke čiγulγan*)[39]. Депутаты в Суглан избираются прямым тайным голосованием из расчета один депутат от ста избирателей. Избирательным правом наделялись жители старше 15 лет обоих полов. Депутаты Суглана, в свою очередь, выбирают членов президиума. В юрисдикции Суглана находится государственный бюджет и назначение размеров жалованья.

35. Очиржапов. Л. 11.

36. Там же. Л. 12–13.

37. Здесь и далее разбор содержания основного закона государства Эрхэтэ Балгасан Улус производится на основе монголоязычного текста конституции (лл. 1r-4v), хранящегося в личном архиве автора статьи.

38. Данный титул является комбинацией санскритских и монгольских слов, которая в дословном переводе на русский означает: «Йогин, Царь Учения, Величественный и совершенный Царь Дхармы. Дармаранза — монгольская передача санскритского термина дхармараджа (санскр.: *dharmarājā*), использовавшегося в индуистской и буддийской традициях для обозначения правителя, покровительствующего религии.

39. Здесь и далее в скобках дается оригинальная монгольская терминология, в том виде, в каком она представлена в вышеназванном источнике.

В непосредственном подчинении у Дармаранзы находятся президент, вице-президент и кабинет министров. Все выбранные должностные лица должны были утверждаться Дармаранзой.

Важные правительственные решения также должны были утверждаться Дармаранзой, однако решения по текущим делам в рамках оперативного управления президент принимал самостоятельно. Соответственно, правительственные распоряжения проходили согласование у президента.

В состав теократии входило 11 балагатов. Их управления (*balaγad-unjakiruγ-a*) находились под руководством глав администраций (*balaγad-un ejen*) и их помощников. Должностные лица балагатского уровня также выбирались жителями балагата на срок в два года. Тосхоны, из которых состояли балагаты, в свою очередь, управлялись даргами (*daruγ-a*), которые избирались на один год. Балагатские собрания, на которых избирались главы балагатских администраций, должны были проходить при участии не менее двух третей избирателей. Назначать ли жалованье должностным лицам также решали сами избиратели.

Третьей ветвью власти являлся балагатский суд, который возглавлялся главой администрации балагата и двумя выборными судьями-шуленгами (*siülengge*). Для охраны внутреннего порядка вводилась должность надзирателя (*čaγdaγači*) и его помощника, в подчинении которых находились балагатские стражи порядка (*amuγulang-i kinaγčid*).

Одновременно с утверждением конституции Лубсан-Самдан Цыденов, ныне именующийся теократическим главой и Ламой Дармаранзой, объявил о созыве Великого Суглана 14 мая 1919 года (первого года по летосчислению Балагатского государства) в местности Шалсана в долине реки Кудун[40]. В назначенную дату было избрано и собрано 102 депутата, которые утвердили рабочий вариант конституции, объявили о создании нового государства и приняли решение преподнести мандалу Лубсан-Самдану Цыденову с просьбой его возглавить. Кроме того, в качестве официального наследника царя-деспота[41] Лубсан-Самдана Цыденова был назначен его ближайший ученик Доржи Бадмаев. После

40. Очиржапов. Л. 12–13.

41. Лубсан-Самдан Цыденов называл себя царем-деспотом, пытаясь, видимо, тем самым подчеркнуть автократическую сущность создаваемого им государства, несмотря на в целом республиканскую систему его управления. Фигура теократического главы Кудунского государства находилась над основным законом и органами власти.

окончания первого заседания Великого Суглана его члены в полном составе направились в местность Халцагай Толгой для вручения Лубсан-Самдан Цыденову мандалы с просьбой о вступлении на трон. Избранные Сугланом должностные лица тут же принимают присягу и приступают к своим обязанностям[42].

Столкновение с реальностью. В первых числах мая правительство вновь созданного государства собирается на свое первое заседание. В этот же день по приказу Григория Семенова в Хоринский аймак прибывает управляющий Верхнеудинским уездом полковник Корвин-Пиотровский. Одновременно с этим из Читы в Хоринский аймак командируется казачий офицер Рабданов с вооруженным отрядом. Оба доверенных подчиненных атамана Семенова имели приказ произвести расследование происходящего в аймаке и при необходимости подвергнуть аресту инициаторов сепаратистского движения[43]. В связи с тем что теократическое государство Лубсан-Самдана Цыденова было организовано на принципах ненасилия, а в составе его правительства отсутствовало военное ведомство, оно фактически оказывалось беззащитным перед любыми вооруженными силами. Единственным способом самозащиты, имевшимся в арсенале подданных Балагатского государства, были обращения и воззвания. Так, узнав о приближении семеновских отрядов, члены правительства теократического государства шлют одну за другой депеши в Читу в Бурятскую Народную Думу и лично атаману Григорию Семенову с требованием оставить в покое созданную теократию[44]. В то же время среди населения распространялось убеждение, что благодаря чудесной силе Дармаранзы все его противники, разумеется, будут посрамлены и обезврежены, их оружие превращено в безделушки, а резиденция Цыденова будет окружена чудесно возникшими укреплениями[45]. Между тем отряды полковника Корвина-Пиотровского и Рабданова соединяются и направляются прямиком в урочище Халцагай-Толгой, к тому времени переименованное в Соемпкус. Вместе с ними сюда же прибывают должностные лица аймачной администрации — член аймачной думы Дул Цыденов и управляющий уездом по Хоринскому аймаку Эр-

42. Очиржапов. Л. 16–17.

43. Там же. Л. 19.

44. Там же.

45. Там же.

дэни Вамбоцыренов[46]. Последний при этом находился в весьма стесненном положении, поскольку был сторонником и последователем Цыденова, однако в данной ситуации представлял аймачную администрацию, признанную атаманом Семеновым.

После двукратного ультимативного требования добровольной сдачи властям Лубсан-Самдан Цыденов вынужден был подчиниться. Он сам и ряд членов его правительства были подвергнуты аресту. Часть министров и других высокопоставленных чиновников успела скрыться в отдаленных улусах и лесных заимках. В связи с этим арестам и допросам были подвергнуты их родные, во время которых семеновцы допускали насилие и телесные наказания. Офицер Рабданов осмелился даже наказать розгами ламу Кижингинского дацана Галсанова за его пособничество в деле побега настоятеля дацана Гынина Цыремпилова. Впоследствии из-за этого эпизода Корвин-Пиотровский вынужден был отстранить от служебных обязанностей некоторых подчиненных Рабданова[47].

В келье Цыденова был устроен обыск с целью выявления документов или предметов, относящихся к делу. В ходе обыска, как сообщается в источниках, в келье среди прочего были обнаружены корона с изображением ваджры и человеческого черепа, дневники с реестром лиц, внесших пожертвования, буддийская религиозная литература, библиотека книг и журналов на европейских языках, а также пояс с электрическими лампочками, который Цыденов якобы приобрел в Петербурге и использовал для оказания воздействия на верующих[48].

Спустя несколько дней Лубсан-Самдан Цыденов, его приближенный Доржи Бадмаев и ряд членов его правительства были препровождены в Верхнеудинскую тюрьму и допрошены. В частности, как сообщают нам наши источники, Цыденов на допросе заявил о следующем:

> В связи с свержением царизма и образованием Временного Правительства во многих местах России создавался ряд новых государств, объявивших независимое их существование, [...] что создало между ними раскол и вражду, междоусобицу, анархию, мобилизацию, объ-

46. Очиржапов. Л. 12–13.

47. Там же. Л. 23.

48. См. Описание ареста Цыденова (ЦВРК ИМБТ, Монгольский фонд, коллекция M I, 516): лл. 1r-2v и Очиржапов. Л. 21.

> явление друг другу войны и т. д. Как передавали мне прибывающие поклонники буряты, жалуясь на действия бурятской интеллигенции, на стремление их к призыву бурятской молодежи на службу в *цагды* для охраны создаваемой по инициативе их национальной автономии и т. д. [...] В данном случае я вынужден провозгласить себя царем-деспотом теократического государства, преследующего цели борьбы против призыва и войны, за мир на основе специальных правил, предусмотренных в религиозных догматах, уповая на то, что буряты-буддисты, как избегающие автономного строя, влекущего за собою привлечение их к военной службе, будут стоять за мою идею, что данное государство будет охранено сверхъестественной силой бога-хранителя и что идеи не будут опровергнуты окружающим русским населением как пострадавшим в результате войны и междоусобиц. Но несмотря на это, я считаю свою инициативу заблуждением, объясняемым моей старостью, политической неосведомленностью и нахождением в изолированном от общества созерцании во времена упомянутых выше событий[49].

Это заявление Цыденов подкрепил официальным призывом к своим подданным и членам организованного им правительства более не считать его своим царем и перейти в подчинение властей правительства атамана Семенова. Этот призыв остановил начавшееся уже движение населения других бурятских аймаков, таких как Батанай-Харганатский, Хуацайский, Чикойский, Селенгинский, Оронгойский, в подданство к Самдану Цыденову.

Этих объяснений и добровольного отречения от власти со стороны Цыденова семеновским властям было достаточно. Очевидно, они опасались ухудшения отношений с бурятским населением, в среде которого авторитет Цыденова был очень высоким. Власти демонстративно наказали милиционеров под началом Рабданова за допущенные перегибы и освободили всех задержанных сторонников Цыденова, а также его самого. Для Лубсан-Самдана Цыденова покаянные заявления были, как покажут дальнейшие события, лишь тактическим приемом. Возвращение Цыденова в Кижингу было триумфальным. Его встречали многочисленные верующие, многие из которых считали сам факт освобождения Цыденова подтверждением его духовного могущества. По возвращении в Соёмпкус Цыденов объявил произошедшее интригами со стороны бурятских автономистов, стремясь таким образом направить возмущение его последователей на чле-

49. Очиржапов. Л. 21–22.

нов Бурятской народной думы, а не на семеновцев. Вероятно, таким образом Цыденов пытался показать своим подданным, что со стороны Григория Семенова к нему претензий нет, а его деятельность находится в правовом поле. Многим последователям Цыденова тогда могло показаться, что арест и допросы были чистой воды недоразумением. Вероятно, эта позиция в дальнейшем на некоторое время убедит и атамана Семенова в том, что Кудунская теократия безобидна для его режима.

Конфликты вокруг военного призыва. Между тем самым принципиальным вопросом во взаимоотношениях теократов с семеновскими властями оставался вопрос о призыве бурят в отряды Цаган Цагда. Антивоенная агитация, энергично проводившаяся ими на местах, а также обращения к правительству Семенова с требованием освободить бурят от воинской службы вынуждали Семенова на ответные действия. В период с мая по декабрь 1919 года Лубсан-Самдан Цыденов и некоторые его приближенные трижды подвергались арестам и помещались в тюрьмы Верхнеудинска и Читы, однако каждый раз время задержания было относительно коротким (в среднем около месяца)[50]. В среде верующих последователей Цыденова крепло убеждение, что их духовный лидер неуязвим перед репрессиями властей и всякий раз чудесным образом выходит из заключения. После одного из арестов близкие Цыденову Д. Бадмаев и С. Гынинцыденов скончались от тифа, и рядом с кельей Цыденова в Соемпкус в их честь были возведены ступы. Причем в течение нескольких дней телу Доржи Бадмаева поклонялись верующие, а затем оно было помещено в ступу как в мавзолей. В связи со смертью Бадмаева наследником Цыденова был объявлен его трехлетний пасынок Бидья Дандарон[51].

Между тем теократы продолжали противодействовать инициативам власти по вопросу о привлечении бурят к военной службе. Это противодействие происходило на фоне успешного сотрудничества атамана Семенова с другими представителями буддийского духовенства Бурятии и Монголии, такими как Бандидо Хамбо-лама Гуро-Дарма Цыремпилов, а также Нейсе-гэгэн и Тойн-хутухта из Внутренней Монголии[52]. Так, в рамках созванного по инициативе Бурятской Народной Думы в октябре 1919 года Съезда

50. Очиржапов. Л. 29.

51. Там же. Л. 32.

52. *Базаров Б., Жабаева Л.* Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра, 2008. С. 158–160.

представителей бурят Забайкальской области, почетными делегатами которого были и вышеназванные духовные лица, Думе было рекомендовано организовать военное управление с целью организации призыва бурят в национальное бурятское войско для «возрождения родины и установления порядка внутри страны»[53]. Кудунские теократы участия в работе съезда не приняли и, более того, заявили Семенову, что ничьих распоряжений о проведении военного призыва в своем аймаке выполнять не намерены. Раздраженный упорством Цыденова, Семенов в очередной раз подверг его непродолжительному аресту[54]. Однако уже в марте 1920 года его режим пал, а сам Семенов бежал в Маньчжурию.

Противостояние с новыми властями. Стремительное наступление Красной армии в Забайкалье, как известно, не привело к немедленному установлению здесь Советской власти. В апреле 1920 года Хоринский аймак оказывается на территории Дальневосточной республики, буферного государства, созданного Учредительным съездом трудящихся Прибайкалья. Тогда же в ДВР учреждается национально-территориальное образование Бурят-Монгольская автономная область (БМАО). Часть бурятского населения, проживавшего на территориях Баргузинского, Верхнеудинского, Селенгинского и Троицкосавского уездов, оказалась включенной в состав Прибайкальской области со столицей в Верхнеудинске[55].

Для руководства процессом советизации в бурятских аймаках ДВР создается Бурятский народный революционный комитет (Бурнарревком), во главе которого был поставлен представитель бурятской интеллигенции Петр Дамбинов[56]. Воспользовавшись сменой власти, ряд видных деятелей теократического движения входят в состав вновь учрежденных сомонных и хошунных ревкомов. Кроме того, теократам удалось установить близкие союзнические отношения с высокопоставленными должностными лицами Прибайкальской области — начальником участка Верхнеудинской уездной милиции Алексеем Уваровым, старшим следователем Прибайкальского Политнарсуда Карповичем и др. С их помощью теократам удается усилить свои позиции в аймаке и даже развернуть вооруженную борьбу против своих против-

53. Очиржапов. Л. 28.

54. Там же.

55. *Бартанова А.А.* Образование Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. С. 50–58.

56. Там же. С. 67.

ников, которых теократы обвиняли в сотрудничестве с режимом атамана Семенова[57]. Вообще сторонники Цыденова активно привлекали на свою сторону союзников. Так, благодаря своим связям им удалось издать через Военное управление Прибайкальской области брошюру «За что борются теократы», в которой некто Григорий Стрефьев проводил мысль о том, что теократы являются тем самым угнетаемым меньшинством, свободу которым призвана обеспечить новая власть. Брошюра, впрочем, была почти сразу же конфискована, а ее автор привлечен к ответственности[58].

Однако правительство ДВР с самого начала берет курс на усиление аймачных комитетов в БМАО и борьбу с сепаратизмом. В рамках этого курса правительство ДВР распоряжается арестовать Самдана Цыденова, президента Балагатского государства Сандылыка Гончикдараева и ряд министров теократического правительства. Цыденов был помещен в Верхнеудинскую тюрьму, откуда уже более в Кудунскую долину не вернулся[59]. Сохранились тюремные записки, которые Цыденов вел в этот период своей жизни[60]. Среди прочего, они содержат выписанные из имевшегося в его распоряжении энциклопедического словаря многочисленные европейские термины из области политической теории, государственного устройства. Значительное место в его конспектах занимает термин «теократия» в следующем его определении: «теократия — образец правления, при котором главой государства считается бог, будто бы передающий повеления и запрещения жрецам; управление государством духовенства, действующего будто бы по внушению божества; самое государство с таким строем»[61]. Уже постфактум Цыденов целенаправленно ищет в литературе примеры иерократической и теократической форм правления в других странах мира, теоретическое обоснование той формы власти, которую он избрал для своего государственного проекта.

Помимо этого, сохранился фрагмент черновой рукописи обращения Цыденова в Политический суд Прибайкальской области ДВР. В нем он дает собственное (хотя и несколько официозное) объяснение мотивов создания теократии:

57. Очиржапов. Л. 33.
58. Там же. Л. 36–37.
59. Там же. Л. 32–33.
60. *Архив Л.-С. Цыденова*. Тибетский фонд ЦВРК ИМБТ.
61. Там же. Л. 128г.

> Я действительно являюсь Царем Учения (Дхармараджей) Трех Миров. Эта власть ниспослана мне божеством. Поскольку для своих последователей я являлся спасителем, они во время встреч со мной при поклонении проводили и богослужение о здравии с подношением даров.
>
> Так как у нас теократия, то большинство сторонников являются адептами, а потому им необходимо иметь атрибуты, знаки, придерживаться подобающего поведения. Они связаны запретом на убийство и прочими обетами чистоты. Согласно им, ни в коем случае нельзя служить в армии. Поскольку теократическая политика связана с религией, она рассматривает политику и религию в тесной связи. Таким образом, поступки, связанные с «ламой-деспотом», являются религиозными, и нельзя считать все совершенное мной преступлениями[62].

Тучи сгущаются. Несмотря на длительное тюремное заключение Самдана Цыденова, его сторонники не снижали своей активности. При поддержке милицейского начальника А. Уварова и других должностных лиц администрации соседней Прибайкальской области лидеры балагатского движения созывают собрание жителей Хальбинского, Цаганского и Бодонгутского хошунов, на котором принимается решение о выходе этих хошунов из состава бурятской автономии и переходе в подчинение правительства Прибайкальской области. Для этого была реанимирована вся та административная система Балагатского государства, которая двумя годами прежде была прописана в конституции: балагатские и тосхонные управления во главе с эзэнами[63] и даргами[64]. Теократы отказывались платить налоги в пользу Бурят-Монгольской автономной области, организовали собственные милицейские отряды. Руководство некоторых сомонных и хошунных администраций Хоринского аймака добровольно сдавало дела балагатским начальникам, а по всему аймаку началась травля так называемых автономистов. При этом деятельную помощь в задержании сторонников автономии теократам оказывали милицейские работники Прибайкальской области, чьи действия координировались следователем Карповичем. Кампания против автономистов проводилась под видом борьбы с остатками «семе-

62. *Архив Л.-С. Цыденова*. Лл. 11r-12v.

63. Эзэн — в пер. с бурятского «хозяин», «глава».

64. Дарга — в пер. с бурятского «староста».

новских прислужников». В результате множество сомонных и хошунных работников вынуждено было бежать в соседние аймаки или скрываться в лесах[65].

Летом 1921 года по просьбе все еще находившегося в тюрьме Лубсан-Самдана Цыденова старые теократы Г. Цыремпилов, Н. Сампилов, Ш. Цыбиков, Д. Доржиев, Ц. Базаров и другие организуют при вновь открытом дацане в местности Чулутай торжества в честь восстановления Балагатского государства. В рамках празднеств, продолжавшихся в течение 2–3 дней, были проведены молебны, конские скачки и борьба. Союзники кудунских балагатов должностные лица Прибайкальской области Уваров и Карпович были торжественно награждены представителями балагатского движения хадаками и меховыми шкурками за помощь, оказанную ими Кудунской теократии. Главным пунктом программы празднеств стала торжественная интронизация наследника Лубсан-Самдана Цыденова — девятилетнего пасынка Доржи Бадмаева Бидьядары (Бидьи) Дандарона, впоследствии известного религиозного философа, ученого-тибетолога и буддийского диссидента[66]. За некоторое время до этого Дандарон был признан Лубсан-Самдан Цыденовым перерождением неоднократно посещавшего Кижингу тибетского ламы-хубилгана из амдоского монастыря Гумбум Джампалинг[67] Джаяк-гэгэна[68]. Впоследствии за свой статус перерожденца и невольную причастность к теократическому движению Бидья Дандарон подвергнется многолетним репрессиям и гонениям.

Движение к компромиссу. Между тем ситуация в Хоринском аймаке обострялась в связи с участившимися стычками между

65. *Архив Л.-С. Цыденова*. Лл. 38–40.

66. *Б.Д. Дандарон* (1914–1974) — буддийский религиозный деятель, специалист в области буддийской философии, религиозный философ. Был арестован в 1937 году и в общей сложности провел около 20 лет в сталинских лагерях. После освобождения и реабилитации в 1957 году работал в Бурятском институте общественных наук. В 70-е годы XX века основал религиозную общину, которая включала круг образованной молодежи из различных частей европейской части СССР. В 1974 году был арестован и обвинен в организации незаконной религиозной организации. Осужден на 5 лет лагерей общего режима. Умер в заключении в п. Выдрино Бурятской АССР.

67. Гумбум Джампалинг (тиб. *sku 'bum byams pa gling*) — крупный тибетский буддийский монастырь, расположенный в провинции Цинхай. Основан в конце XVI века Далай-ламой III на месте рождения Дже Цонкапы, основателя школы гелукпа.

68. Джаяк-гэгэн (Джаяксен-гэгэн) — линия тибетских лам-перерожденцев, имеющих резиденцию в монастыре Гумбум Джампалинг.

молодежью, поддерживавшей теократов, и аймачниками[69]. Активизация антиаймачных настроений заставляет правительство Дальневосточной республики действовать. В июле 1921 года сюда командируется правительственная комиссия под руководством члена правительства ДВР Д. С. Шилова. После проведения расследования комиссия категорически потребовала от участников балагатского движения сдать огнестрельное оружие и подчиниться аймачным и хошунным властям. Члены комиссии также потребовали от должностных лиц Прибайкальской области прекратить любые вмешательства в дела одного из аймаков Бурят-Монгольской автономной области. Кроме того, 1 августа 1921 года в местности Чулута Бодонгутского хошуна Хоринского аймака Д. С. Шиловым было проведено собрание с участием представителей враждующих сторон, на котором была осуществлена попытка найти компромисс, путем привлечения некоторых лидеров балагатского движения к работе в аймачной и хошунных администрациях. Из-под стражи были выпущены на свободу задержанные ранее теократы (Лубсан-Самдан Цыденов, впрочем, в это число не вошел)[70]. Тем не менее личным распоряжением Шилова были арестованы и препровождены в Читинскую и Верхнеудинскую тюрьмы Уваров и Марков. Позднее был задержан и Карпович. Источники сообщают лишь о судьбе Карповича, который впоследствии был расстрелян по решению Амурского губернского суда как контрреволюционер[71].

Результаты работы комиссии Шилова были закреплены работой еще одной комиссии, командированной правительством ДВР. Руководителем этой комиссии был назначен Н. Преловский. Деятельность комиссий Шилова и Преловского привела к компромиссу с теократами. Как и семеновцы, власти ДВР не были заинтересованы в ухудшении отношений с хоринскими буддистами. В сентябре 1921 года на выборах в Бурят-Монгольское областное народное собрание по Хоринскому аймаку депутатами были избраны видные деятели балагатского движения. В самом аймаке 25 сентября 1921 года на собрании жителей Бодонгутского хошуна было достигнуто перемирие между теократами и автономистами, которые согласились восстановить

69. Очиржапов. Л. 40.

70. Там же. Лл. 40–43.

71. Там же. Л. 43.

мирные отношения и начать сотрудничество под эгидой правительства БМАО[72].

Точка невозврата. Депутаты от теократов в Народном собрании активно участвовали в работе парламента, хотя в состав областного правительства — Бурмонавтупра (Бурят-Монгольского автономного управления) — не вошли. Тем не менее прогресс был налицо и многим, возможно, стало казаться, что проблема балагатского движения постепенно находит свое решение. Однако в реальности вскоре наступает новый виток противостояния, переросший в итоге в стадию вооруженной борьбы. Новый конфликт был спровоцирован небеспочвенными слухами, которые начинают муссироваться в среде бурят, о планах Бурятмонавтоупра ввести военный налог и возобновить призыв бурят в ряды Красной армии. Возмущенные этим представители теократов снова ставят перед правительством БМАО вопрос о выходе Бодонгутского, Цаганского и Хальбинского хошунов из состава области и присоединении этих хошунов к Прибайкальской области[73].

На этот раз реакция Бурмонавтупра была решительной. Сначала глава правительства Матвей Амагаев призвал теократов примириться с идеей бурятской автономии, что никак не повлияло на позицию сторонников балагатского движения. Тогда правительство БМАО обвинило теократов в попытках уклониться от уплаты налогов и отбывания повинностей, главным образом подводной и военной. С такой формулировкой в феврале 1922 года правительство Бурмонавтупра представило дело правительству ДВР[74]. Уже в марте того же года по распоряжению правительственного инспектора милиции К. Ильина аресту подвергаются главные участники балагатского движения: бывший президент Балагатского государства Сандылыг Гончикдараев, настоятель отколовшегося от буддийской общины Чулутского дацана Найдан Сампилов, бывший министр иностранных дел Балагатского государства Бадмацырен Бониев, бывший товарищ министра финансов Бадмацырен Гармаев и другие[75]. Ответом сторонников теократии стало вооруженное сопротивление. Теократы собирают вооруженный отряд в 150 человек и направ-

72. Очиржапов. Лл. 43–50.

73. Там же. Лл. 50–54.

74. Там же. Л. 50.

75. Там же. Л. 50–51.

ляют его в управление Бодонгутского хошуна, где, по их сведениям, содержались арестованные. Освободить своих товарищей им не удалось, в связи с тем, что те к тому времени были переведены в Верхнеудинск[76]. Однако этот шаг со стороны теократов привел к необратимым последствиям. Точка невозврата была пройдена.

Разгром движения. Попытка освобождения теократами своих лидеров привела к тому, что все арестованные сторонники Лубсан-Самдан Цыденова, включая его самого, были отправлены в административную ссылку в отдаленные края и области РСФСР. Вооруженным отрядам теократов Бурмонавтупром был объявлен ультиматум[77].

Лубсан-Самдан Цыденов отправился в принудительную ссылку, и следы его теряются. Имеются сведения, что в мае 1922 года он был госпитализирован в городскую больницу Ново-Николаевска, где скончался от левостороннего плеврита[78]. Фактически история Кудунской теократии заканчивается вместе с его смертью. Разрозненные остатки теократов уничтожались органами власти сначала ДВР, а затем и РСФСР все 20-е годы XX столетия. Дальнейшая история балагатского движения является историей вооруженной борьбы, репрессий, судебных процессов, расстрелов и заключений по решению судов различных инстанций, актов мести, самосудов, партизанской войны и полного поражения сторонников идеи Кудунской теократии. Последний судебный процесс над группой сторонников балагатского движения состоялся в с. Анинском в июне 1929 года, в результате которого один человек был приговорен к расстрелу, а еще пятеро получили сроки тюремного заключения от 5 до 10 лет[79].

Заключение

Кудунскую теократию нельзя назвать состоявшимся государственным проектом. Как это видно из представленного очерка, несмотря на разработанную структуру государства и проведен-

76. Очиржапов. Л. 51.

77. Там же. Л. 54.

78. *Дандарон Б.Д.* Избранные статьи. Черная тетрадь. Материалы к биографии. «История Кукунора» Сумпы Кенпо. Под ред. В.М. Монтлевича. Москва: «Евразия», 2006. С. 276.

79. Очиржапов. Л. 78.

ную процедуру формирования органов власти, теократическое правительство так и не смогло полноценно приступить к своим обязанностям. И все же использованные в этой статье источники позволяют сделать некоторые осторожные выводы о существе Кудунского государственного проекта.

Как известно, модернистские идеи в традиционных восточных культурах никогда не были простым отражением европейских моделей, но получали свою специфику и свою уникальную конфигурацию, пройдя через прокрустово ложе их собственного мировидения. Способы апроприации политических идей имели глубокую связь с европейским колониализмом, что очевидно при анализе истории бурят-буддистов, которые всегда составляли часть *pax mongolica* и тибетского буддийского мира, даже после того, как вошли в состав Российского государства. Подробное рассмотрение таких эпизодов истории буддизма, как Кудунская теократия, дает исследователям возможность понять природу трансформации теократий Внешней Монголии и Тибета. Под воздействием европейской парадигмы государственного строительства буряты стали одним из первых буддийских народов, которые должны были пересмотреть многие традиционные политические концепции.

Бурятская версия национализма имитировала российскую политическую культуру, в которой православию отводилась ключевая роль гомогенизирующей силы, с помощью которой общество получало единую политическую и религиозную идентичность. Для забайкальских бурят буддизм служил своего рода главным «диакритическим знаком», который позволял им в имперское время отделять себя от окружающего их русского православного большинства, а позднее создавать на его основе государственные структуры и институты, что мы, собственно, и наблюдаем на примере балагатского движения. И в этом смысле этнорелигиозная идентичность бурят-буддистов выступала в качестве альтернативы той модели бурятского национализма, которую предлагали бурятам сначала буржуазные националисты (часть которых активно сотрудничала с режимом атамана Семенова), а затем большевики. На примере Кудунской теократии мы видим, как легко буддизм становился основой для государственного строительства, и это прекрасно понимали и сами бурятские националисты, и семеновцы, и большевики. Проект Даурского правительства во главе с Нейсе-гэгэном, инициированный атаманом Семеновым в 1918 году, и исполь-

зование большевиками фигуры Богдо-гэгэна VIII в переходный период к социалистическому строительству в Монголии прекрасно иллюстрируют этот факт. Бурятские националисты, в разное время сотрудничавшие и с царизмом, и с семеновцами, и с большевиками, находились под большим влиянием идей романтического панславизма и пангерманизма. В их картине будущего тибетский буддизм был силой, способной подтолкнуть монгольские народы к объединению. Однако религия в их представлении занимала подчиненное положение и мыслилась как орудие, а не фундамент для государства. Их национализм включал религиозный аспект, но лишь как маркер групповой идентичности, а не основу для выдвижения национальных претензий. Они сами могли быть буддистами, оставаясь при этом светскими людьми, и модель их воображаемого государства была также сугубо светской. Их оппоненты, в числе которых был и Лубсан-Самдан Цыденов, выступали за чисто религиозное государство и буддийскую нацию. Именно поэтому Кудунская теократия имеет столь сложную и драматичную историю взаимоотношений именно со светскими бурятскими националистами, в которых ее последователи видели своих главных врагов и оппонентов.

Кудунский государственный проект интересен также тем, что, внешне стремясь воссоздать идеальную архетипическую модель буддийского государства по образцу империи Маурья времени Ашоки, был первой попыткой встроить такого типа теократию в рамки конституционной республики. Выборный принцип пронизывает всю систему представительства в Балагатском государстве. Несмотря на то что фигура верховного правителя находилась над основным законом, тем не менее сама попытка примирить монархию с республикой подтверждает тезис о том, что Кудунский проект созрел в контексте российской политической действительности, хотя формально и копировал образцы буддийских теократий Тибета и Монголии. То, что роднит Кудунскую теократию с другими буддийскими монархиями Внутренней Азии, это устойчивое идеологическое неприятие идеи о вооруженной защите своей государственности, что в условиях революций и Гражданской войны создало условия для насильственного уничтожения этого государственного проекта и его инициаторов, но в то же время, возможно, сберегло множество молодых людей, которых должны были призвать в ряды различных вооруженных формирований.

Библиография / References

Архивные материалы

Архив Л.-С. Цыденова (*рукописи*) [Archive of L-S. Tsydenov (Manuscripts)]. Тибетский фонд Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии.

Жигмидон Б. Контрреволюция под маской теократизма (Балагатчина) (*машинописная рукопись*) [Counter-Revolution Disguised as Theocracy. Balagatchina (A Typewritten Document)]. Национальный музей Республики Бурятия. Временный фонд. Дело 422.

Конституция государства Эрхэтэ Балгасан Улус (*монгольский рукописный текст*) [Constitution of the Erkhe Blgasan Ulus (A Hand-Written Text in Mongolian)]. Личный архив Н. В. Цыремпилова.

Новая песнь, вдохновленная великой радостью по случаю окончательного восшествия на нерушимый алмазный трон могущественного чакравартина, божества, установленного небом, Царя Николая, восхваляющая интронизацию, рассказывающая вкратце также и о славе России, обретшей могущество двух столиц, называющаяся «Многократно взирающая на устрашающих бенгальских и африканских львов в садах Джолоки» (*тибетский рукописный текст)* [New Song Inspired by the Great Joy of the Eventual Ascend to the Unbreakable Diamond Throne of the Mighty Cakravartin, the Deity Established by Heaven, Tsar Nicholas Praising the Enthronement, Narrating Briefly about the Glory of Russia which Acquired the Might of Two Capital Cities, Called «Repeatedly Gazing at the Terrifying Bengal and African Lions in the Gardens of Joloki» (a manuscript in Tibetan)]. Национальный музей Республики Бурятия. Временный фонд. Дело 422.

Описание ареста Л.-С. Цыденова (*монгольский рукописный текст*) (A Description of L.-S. Tsydenov's Arrest). Монгольский фонд, коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии. Инв. № M I, 516.

Очиржапов Ц. М. Теократическое балагадское движение и бандитизм по Хоринскому аймаку в 1917–1927 гг. (*машинописная рукопись*) [The Theocratic Balagad Movement and Banditry in Khori Aimak]. Личный архив Н. В. Цыремпилова.

Письма и документы Л.-С. Цыденова (*рукописи*) [Letters and Documents of L-S. Tsydenov. The Manuscripts]. Личный фонд Л.-С. Цыденова, Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии. Дело 636.

Литература

Базаров Б. В., Жабаева Л. Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX в. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра, 2008.

Бартанова А. А. Образование Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1964.

Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX в. Улан-Удэ, 1957.

Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири. XIX — начало XX века. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1986.

Дандарон Б. Д. Избранные статьи. Черная тетрадь. Материалы к биографии. «История Кукунора» Сумпы Кенпо. Под ред. В. М. Монтлевича. М.: «Евразия», 2006.

История Бурятии: в 3 т. Т. 3 — XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.

Кроль, Моисей. Годы ссылки. В гостях у Святого Ламы. // Восточная коллекция. 2004. № 4 (19). С. 74–80.

Нацагдорж Ц. Б. Буддийский фактор в общемонгольской идентичности российских бурят в XVIII в. // К 250-летию института Пандито Хамбо-лам в России: сборник научных статей. / Под ред. В. Л. Успенского. СПб: «Петербургское востоковедение», 2015. С. 18–39.

Подгорбунский И. Буддизм, его история и основные положения его учения. Иркутск: 1901.

Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя: бурятская буддийская община и Российское государство XVIII — нач. XX в. Улан-Удэ: «Буряад Монгол Ном», 2015.

Цыремпилов Н. В. Лубсан Самдан Цыденов и идея буддийской теократии в Забайкалье // *Восток (Oriens)* — 2007 — № 6 — Ноябрь–Декабрь. — С. 45–52.

Чимитдоржин Д. Г. Пандито Хамбо Ламы (1764–2010). Улан-Удэ, 2010.

Bartanova, A.A. (1964) *Obrazovanie Buriatskoi Avtonomnoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki* [Formation of the Buriat Autonomous Soviet Socialist Republic]. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izd-vo.

Bazarov, B.V., Zhabaeva, L.B. (2008) *Buriatskie natsional'nye demokraty i obshchestvenno-politicheskaia mysl' mongol'skikh narodov v pervoi treti XX veka* [Buriat Nationalist Democrats and Social-Political Thought of the Mongolian Peoples of the first third of the 20th c.]. Ulan-Ude: Izd-vo Buriatskogo nauch. tsentra.

Chimitdorzhin, D.G. (2010) *Pandito Khambo Lamy (1764–2010)* [Pandito Khambo Lamas]. Ulan-Ude.

Dameshek, L.M. (1986) *Vnutrenniaia politika tsarizma i narody Sibiri. XIX – nachalo XX veka* [Domestic Policies of Tsarism and the peoples of Siberia. The 19th – early 20th c.]. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta.

Dandaron, B.D. (2006) *Izbrannye stat'i. Chiornaia tetrad'. Materialy k biografii. "Istoriia Kukunora" Sumpy Kenpo*. Pod red. V. M. Montlevicha [Selected Works. The Black Copybook. Materials to the Biography. "The History of Kukunor" by Sumpa Kenpo]. Moskva: "Evraziia".

Gerasimova, K.M. (1957) *Lamaizm i natsional'no-kolonial'naia politika tsarizma v Zabaikal'e v XIX i nachale XX vekov* [Lamaism and National-Colonial Policy of Tsarism in the 19th – early 20th century Transbaikalia]. Ulan-Ude.

Istoriia Buriatii: v 3 t. T.3 – XX–XXI vv. (2011) [The History of Buriatia in 3 Vol. Vol. 3, the 20th-21st c.]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN.

Krol', Moisei. (2004) "Gody ssylki. V gostiakh u Sviatogo Lamy" [Years of Exile. Visiting a Holy Lama], *Vostochnaia kollektsiia* 4(19): 74-80.

Natsagdorzh, Ts. B. (2015) "Buddiiskij faktor v obshchemongol'skoi identichnosti rossiiskikh buriat v XVIII v." [The Buddhist Factor in Mongolian Identities of the Russian Buriats], *K 250-letiiu instituta Pandito Khambo-lam v Rossii: sbornik nauchnykh statei*, pp. 18-39. Sankt-Peterburg: "Peterburgskoe vostokovedenie".

Podgorbunskii, I. (1901) *Buddizm, ego istoriia i osnovnye polozheniia ego ucheniia* [Buddhism, its History and Elementaries of the Doctrine]. Irkutsk.

Rupen, Robert A. (1964) *Mongols of the 20th century*. Vol. I. Bloomington, Indiana University.

Tsyrempilov, N. (2015) *Buddizm i imperiia: buriatskaia buddiiskaia obshchina i Rossiiskoe gosudarstvo XVIII – nach. XX v.* [Buddhism and Empire. The Buriat Buddhist

Community and Russian State in the 18th – early 20th c.]. Ulan-Ude: "Buriaad Mongol Nom".

Tsyrempilov, N. (2007) "Lubsan Samdan Tsydenov i ego ideia buddiiskoi teokratii v Zabaikal'e" [Lubsan Samdan Tsydenov and his Idea of Buddhist Theocracy in Transbaikalia], *Vostok (Oriens)* № 6 (November-December): 45-52.